

Р. П. ДМИТРИЕВА

Отражение в творчестве Ермолая-Еразма его псковских связей

Псковская земля периода средневековья была одним из значительных центров книжности и литературы, откуда вышло немало писателей, известных и неизвестных, оказавших влияние в той или иной степени на литературное развитие Руси. К числу авторов-псковичей принадлежит и Ермолай-Еразм. Расцвет его творчества падает на середину XVI в., когда он находился в Москве, так что тематика его произведений непосредственно с Псковом не связана. Поэтому, насколько известно, в научной литературе не предпринимались попытки определить значение псковского периода жизни Ермолая в развитии его творческой биографии.

Специфика дошедшего до нас материала ограничивает наши возможности в области всестороннего изучения творчества отдельных писателей. Но в некоторых случаях удается не только атрибутировать произведение определенному лицу, но и установить некоторые факты биографии писателя и его литературную среду. Писательское наследие Ермолая-Еразма дошло до нас в сравнительно полном виде. Дело в том, что сохранились две рукописи, представляющие собой собрание сочинений Ермолая-Еразма, написанные и исправленные им самим. В свое собрание сочинений Ермолай-Еразм не включил только послания. Одна рукопись, в которой он называет себя Ермолаем Прегрешным, обнаружена совсем недавно — в 1970-х гг.¹ Она была собрана автором в 50-х гг. XVI в., до его пострижения в монахи. Вторая рукопись составлялась им позже, в 60-х гг., когда он получил монашеское имя Еразм.² Некоторые произведения из первой рукописи им были включены во вторую с добавлением правки внутри текста, а также и на полях. Скучные биографические сведения о Ермолае-Еразме устанавливаются главным образом на основании его собственных сочинений. Важным в этом отношении является его «Моление к царю», адресованное Ивану Грозному.³

В 40-х гг. XVI в. Ермолай-Еразм жил в Пскове, в конце 40—начале 50-х гг. он оказался в Москве. Как полагают ученые, именно он упомянут в Никоновской летописи под 1555 г. среди лиц, участвовавших вместе с митрополитом Макарием при поставлении Гурия епископом Казанским: «протопоп Спасской з дворца Ермолай».⁴

Видимо, переезд Ермолая из Пскова в Москву и получение там должности протопопа кремлевского собора не случайны. Как полагал А. А. Зи-

¹ ГПБ, Соловецкое собр., № 287/307. См.: Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 72—73, 114—117.

² ГПБ, Софийское собр., № 1296. — Здесь автор называет себя «прегрешным Ермолаем, в иноках Еразмом» (К л и б а н о в А. И. Сборник сочинений Ермолая-Еразма // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 178—179).

³ Текст издан: Ш л я к и н И. Ермолай Прегрешный — новый писатель эпохи Грозного // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 565—567; Повесть о Петре и Февронии. С. 327—328.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. С. 250.

мин, во время пребывания в 1546 г. царя в Пскове Ермолай, будучи человеком образованным, обратил на себя внимание царского книгочя кир Софрония, по заданию которого он и написал Зрячую пасхалию.⁵ Действительно, Ермолай-Еразм еще до своего пострижения, не позднее начала 50-х гг. XVI в., составил текст Зрячей пасхалии, о чем собственноручно и написал: «Бога же ради, сотворшаго вся, помяни прегрешнаго Ермолая, открывшаго мудрость сию на изъявление всем христианом».⁶ До А. А. Зимина считалось, что Пасхалия вместе с сопровождающим ее посланием кир Софронию была написана и отправлена в Москву в 70-х гг. XVI в.⁷ А. А. Зимин оказался прав, утверждая, что Зрячая пасхалия была написана не позднее 40—начала 50-х гг. Однако принадлежность Ермолаю-Еразму послания кир Софронию в настоящее время оспорена А. А. Туриловым и А. В. Чернецовым.⁸ Они считают, что послание кир Софронию («Предисловие святцем») было написано в 1579 г. и принадлежит другому псковскому писателю — Ивану Рыкову. Приведенные исследователями аргументы действительно ставят под сомнение принадлежность послания кир Софронию творчеству Ермолая-Еразма.

Как раз в 40—50-х гг. под руководством митрополита Макария особенно интенсивно работал большой круг церковных писателей по созданию жизнеописаний русских святых. Макарий, по всей видимости, привлек к этой работе и Ермолая. В связи с канонизацией на соборах 1547—1549 гг. Ермолаю было поручено составление жизнеописания муромских святых.

Время работы над этими произведениями было наиболее благоприятным как для творчества Ермолая, так и для его церковной карьеры. Но оно оказалось непродолжительным. Уже в «Молении к царю», которое датируется исследователями концом 40-х или началом 50-х гг. XVI в.,⁹ Ермолай жалуется на притеснения и враждебное отношение к себе со стороны царских вельмож. Видимо, и со стороны Макария произошло охлаждение к его писательскому таланту. Макария явно не удовлетворили агиографические произведения Ермолая на муромскую тему. Он не захотел включить Повесть о Петре и Февронии в составлявшийся в это время новый сборник Четий Миней, а текст Повести о епископе Василии был значительно переработан, прежде чем его использовали в составе Жития князя Константина, которое было написано другим автором, видимо, в 1554 г.¹⁰

Ермолай-Еразм, хотя и находился в непосредственном общении с влиятельными церковными и политическими деятелями своего времени, но ни к какой определенной группировке, вероятно, не принадлежал. До нас не дошло никаких свидетельств о его контактах с какими-либо литературными кругами или с определенными лицами из писательской среды. Это касается и псковского периода его жизни. В научной литературе идет спор о том, чьи интересы защищал Ермолай в своем обращении к царю в трактате «Благохотящим царем правительница и землемерие». Одни из исследователей считают автора идеологом дворянства, другие

⁵ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 116.

⁶ ГПБ, Соловецкое собр., № 287/307, л. 156 об.

⁷ Впервые предположение о том, что послание кир Софронию как сопровождающий текст к Зрячей пасхалии было написано Ермолаем-Еразмом, высказано А. И. Соболевским (Материалы и заметки по древнерусской литературе // ИОРЯС АН. СПб., 1912. Т. 17, кн. 3. С. 94—96). Эту точку зрения полностью принял В. Ф. Ржиги (Литературная деятельность Ермолая-Еразма // ЛЗАК. Л., 1926, вып. 33. С. 111—112). Текст послания («Предисловие святцем») опубликован по рукописи XVII в., ГИМ, собр. Уварова, № 685/182 (Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова / Сост. арх. Леонид. М., 1893. Ч. 2. С. 57).

⁸ Турилов А. А., Чернецов А. В. 1) Софроний, книгочий Ивана Грозного, и адресованное ему сочинение // АЕ за 1982 г. М., 1983. С. 88—89; 2) Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 272—277.

⁹ См.: Зимин А. А. Пересветов и его современники. С. 122.

¹⁰ См.: Повесть о Петре и Февронии. С. 79—94.

склонны видеть в нем защитника крестьянских интересов.¹¹ Не имея поддержки со стороны какой-либо определенной правительственной группировки, он не смог сыграть значительной роли в политике церкви и государства.

Большие надежды, возлагаемые Ермолаем на царя как на главную силу в установлении и социальной справедливости, и его личной судьбы, не оправдались. Выйти из создавшегося неблагоприятного положения, на которое Ермолай жаловался в своем послании царю, видимо, не удалось, и примерно в начале 60-х гг. XVI в. он постригся в монахи. Отказавшись от участия в политической жизни, Ермолай-Еразм не прекратил литературной деятельности, но сосредоточил внимание на церковно-богословской тематике. Имя его как писателя было еще известно в 60-х гг., но позже о нем забывают, и произведения его переписываются как анонимные. Из них самым популярным оказалась Повесть о Петре и Февронии, которая усердно переписывалась на протяжении XVI—XX вв.

Наиболее важным публицистическим произведением Ермолая-Еразма является его трактат «Благохотящим царем правительница и землемерие». В первой редакции он озаглавлен «Аще восхотят царем правительница и землемерие»; скорее всего, под этим первоначальным названием он был направлен царю с предложением проведения социальных реформ. В нем изложен проект податных реформ и переустройства поземельного обеспечения военной службы. Автор «Правительницы» явно сочувственно относится к крестьянству как основному создателю благосостояния общества. Он пишет: «В начале же всего погребни суть ратаеве; от их бо трудов есть хлеб, от сего же всех благих главизна — богови в службу безкровная жертва хлеб приносится и в тело Христово претворяется. Потом же и вся земля от царя и до простых людей тех труды питаема».¹² По его мнению, крестьянство, более всего притесняемое боярством, терпит непосильные лишения. Ермолай предложил заменить все виды повинности, лежащие на крестьянине, натуральной рентой из расчета платежа одной пятой части урожая. Введение такой реформы действительно облегчило бы тяготы крестьян. Предложенная Ермолаем-Еразмом программа, возможно, служила бы интересам дворянского сословия, но более всего автора волновала судьба трудового крестьянства, что подтверждается всем его творчеством.¹³

Позиция сочувственного отношения Ермолая к крестьянству тесно связана с идеей гуманности, проводимой им в других произведениях. Сочетание темы милосердия и христианской любви одновременно с осуждением и неприязненным отношением к вельможам и боярам прослеживается и в его сочинениях нравственно-богословского и назидательного характера.¹⁴

Эти глубоко волновавшие Ермолая идеи нашли свое полное и гармоничное выражение в Повести о Петре и Февронии. Источниками как для этой повести, так и для Повести о Василии Рязанском послужили муромские легенды. Повесть о епископе Василии написана Ермолаем предельно

¹¹ Историография вопроса изложена в книге А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники» (с. 113—115).

¹² ПЛДР: Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 652. — По мнению Н. А. Казаковой, мысль писателя о том, что труд крестьян составляет основу общественного благосостояния, «поднята до высоты философского обобщения» (К а з а к о в а Н. А. Крестьянская тема в памятнике житийной литературы XVI в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 245).

¹³ Сочувственное отношение к народным массам как характерную черту творчества Ермолая-Еразма отмечает А. А. Зимин в книге «И. С. Пересветов и его современники» (с. 134).

¹⁴ Анализ состава авторского сборника Ермолая-Еразма (ГПБ, Софийское собр., № 1296) позволил А. И. Клибанову характеризовать все его произведения как единую систему социально-философских и политических идей (К л и б а н о в А. И. Сборник сочинений Ермолая-Еразма // ТОДРЛ. Т. 16. С. 186—189).

сжато, сюжет в ней изложен четко, но детали не разработаны. Совершенства в разработке сюжета, выразившегося в ясности передачи главной мысли, конкретности деталей, четкости диалогов, имеющих большое значение в развитии сюжета, в композиционной завершенности, Ермолай достиг в Повести о Петре и Февронии. Определяющим в разработке сюжета оказалось воздействие устного источника, более всего связанного с жанром новеллистической сказки. Народное предание о муромском князе оказало на Ермолая такое сильное влияние, что он — высокообразованный церковный писатель, перед которым была поставлена цель дать жизнеописание святых, — создал произведение, по существу не имеющее ничего общего с агиографическим жанром.

Этот факт выглядит особенно поразительным на фоне той житийной литературы, которая в это время создавалась в писательском кругу митрополита Макария. Кстати, можно вспомнить, что другой псковский писатель Василий-Варлаам хорошо приспособился и успешно трудился в агиографическом жанре, соблюдая предъявляемые Макарием требования — многословие, пышность выражений, заимствования сюжетов, фразеологии и даже отрывков текста из существующих образцов житийной литературы. Многие написанные им жития были включены в Великие Минеи Четьи.¹⁵

Как уже упоминалось, Повесть о Петре и Февронии не понравилась Макарию. Она разительно отличается от других житий, написанных в это время, и стоит одиноко на фоне последних, не имея ничего общего с их стилем. К ней, скорее, можно найти параллели в произведениях повествовательной литературы второй половины XV в., построенных на новеллистических сюжетах, — таких как Повесть о Дмитрие Басарге, Повесть о Дракуле, Житие Михаила Клопского. В Повести о Петре и Февронии рассказывается история любви между князем и крестьянкой. Сочувствие автора героине, восхищение ее умом и благородством в трудной борьбе против всемогущих бояр и вельмож, не желающих примириться с ее крестьянским происхождением, определили поэтическую настроенность произведения в целом. Идеи гуманности, свойственные творчеству Ермолая, нашли наиболее полное выражение именно в этом произведении.

Социальная позиция Ермолая-Еразма, наиболее четко выраженная в двух его самых значительных произведениях — трактате о социальных реформах, направленном царю, и Повести о Петре и Февронии, — определилась уже в период его пребывания в Пскове. В данной статье делается попытка обратить внимание на немногие факты, в известной степени подтверждающие это предположение. У нас нет никаких конкретных свидетельств о происхождении Ермолая и о той псковской среде, где могли бы сложиться его социально-политические взгляды и определиться литературные вкусы. Но в содержании самих произведений нашли отражение псковские впечатления автора, свидетельствующие о том, что именно псковская действительность прежде всего определила направление его творческой мысли.

Свою «Правительницу» Ермолай несколько неожиданно заканчивает натуралистическим описанием безобразий, связанных с продажей спиртных напитков на постоянных дворах, и сетует о том вреде, который приносит существование «корчемниц». Безусловно, описание это сделано на основании его псковских впечатлений, так как, говоря здесь и о других городах, он прежде всего упоминает Псков: «Зде же видим, яко во граде, нарицаемом Пскове, и во всех градах русийских — корчемницы».¹⁶ Поэтому естественно предполагать, что и бедственное положение крестьян-

¹⁵ История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 552 (автор раздела В. П. Адрианова-Перетц).

¹⁶ ПЛДР: Конец XV — первая половина XVI в. С. 660.

ства Ермолай должен был знать прежде всего по псковским впечатлениям. Учитывая, что «Правительницу» он решился передать царю в конце 40-х или самом начале 50-х гг. XVI в., т. е. примерно в то же время, когда он прибыл в Москву, следует признать, что идеи предложенного царю проекта реформ возникли у него еще в период жизни во Пскове.

Есть свидетельство и тому, что увлечение муромской легендой о крестьянке и ее замужестве, на основании которой составлено жизнеописание муромского князя Петра и княгини Февронии, не явилось для Ермолая случайным, а тоже было связано с псковскими впечатлениями. Кроме того, что весь сюжет произведения соответствовал его социальным воззрениям, надо сказать, жанр новеллы, в который он перевел содержание своего повествования о муромских святых, был ему близок и знаком по псковскому материалу.

Такое заключение можно сделать, исходя из сопоставления одного из новеллистических рассказов в Повести о Петре и Февронии с псковской легендой о княгине Ольге. В Повести Ермолая имеется небольшая новелла на фольклорную тему «все женщины одинаковы». ¹⁷ Эта новелла к развитию основного конфликта прямого отношения не имеет, хотя и выполняет вполне определенные функции: в ней дается конкретное представление о путешествии героев и подтверждается характеристика Февронии как мудрой женщины. Суть новеллы заключается в следующем. Изгнанные Петр и Феврония едут по Оке. Плывущий на одном судне с Февронией женатый человек позволяет себе взглянуть на княгиню, по выражению автора, «с помыслом». Феврония замечает это и обращается к назойливому спутнику со словами: «„Почерпи убо воды из реки сия с ю страну судна сего“. Он же почерпе. И повеле ему испити. Он же пит. Рече же паки она: „Почерпи убо воды з другую страну судна сего“. Он же почерпе. И повеле ему паки испити. Он же пит. Она же рече: „Равна ли убо си вода есть, или едина слажеши?“ Он же рече: „Едина есть, госпоже, вода“. Паки же она рече сице: „И едино естество женско есть. Почто убо, свою жену оставя, чюжиа мыслиши!“» ¹⁸ — заключает княгиня.

В псковском устном рассказе о княгине Ольге, дошедшем до нас в записи XIX в., точно таким же образом и в той же самой обстановке будущая княгиня Ольга отвергла притязания князя Всеволода. Приведу соответствующую часть рассказа, записанного П. И. Якушкиным: «С первоначалу жизни, немного по после, была, как сказано, Ольга крестьянка перевозчицей в Лыбуге. Раз перевозит она князя Всеволода. . . — Какой такой князь Всеволод? — Всеволод да и Всеволод — не знаю. . . Увидел Всеволод Ольгу и помыслил на Ольгу; а этот князь был женат. Стал тот князь говорить Ольге, а Ольга ему на те его на пустыне речи ответ: „Князь! зачерпни рукой справа водицы, изпей!“ Тот зачерпнул, изпил. — „Теперь, говорит Ольга, теперь, князь, зачерпни слева, изпей и этой водицы“. Князь зачерпнул и слева водицы, изпил. — „Какая же тут разнота: та вода и эта вода?“ — спрашивает Ольга у князя. — „Никакой тут разноты нет, говорит князь: все одна вода“. — „Так, — говорит Ольга, — что жена твоя, что я, для тебя все равно“» ¹⁹.

Наличие несомненной близости между этими двумя рассказами не вызывает сомнения. Еще Ф. И. Буслаев, основываясь на записи П. И. Якушкина, обратил внимание на прямую связь между ними. ²⁰ Можно думать,

¹⁷ Наличие этого мотива в составе Повести о Петре и Февронии отмечено: Саенко С. В. Русская народная сказка. Киев, 1914. С. 46; Лурье Я. С. Элементы Возрождения на Руси в конце XV—первой половине XVI века // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1976. С. 193.

¹⁸ Повесть о Петре и Февронии. С. 219.

¹⁹ Якушкин П. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб., 1860. С. 155—156.

²⁰ Буслаев Ф. Рец. на кн.: Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1870 // ЖМНП. 1871. № 4. С. 229.

что данный фольклорный мотив отсутствовал в муромской легенде и был внесен в Повесть о Петре и Февронии самим Ермолаем — псковичем, хорошо знакомым с псковским устным рассказом о княгине Ольге.

О том, что такой устный рассказ о княгине Ольге бытовал не только в XIX в., а в своем вполне сложившемся виде был хорошо известен на псковщине во времена Ермолая, свидетельствует наличие его в жизнеописании княгини Ольги в Степенной книге, которая, как известно, была составлена не позднее 60-х гг. XVI в.²¹

Н. Серебрянский обратил внимание на то, что составитель Степенной книги в свое повествование об Ольге наряду с другими источниками привлек Проложное псковское житие Ольги, а также в эпизоде «О великом князе Игоре, како сочтася со блаженною Ольгою» использовал какой-то псковский рассказ. По мнению исследователя, это был или устный рассказ, впервые письменно изложенный составителем, или, что вероятнее, заимствованный им из уже существующей записи, или сочинен самим составителем.²² Отметим, что в тексте Степенной книги сделана следующая помета об источнике рассказа: «яко же неции поведаша дивно сказание».²³ Не вдаваясь в подробности решения вопроса о взаимоотношениях текста Степенной книги с устным рассказом, записанным П. И. Якушкиным (что выходит за рамки нашей темы), отметим только одно различие: в Степенной книге Ольга перевозила своего будущего супруга, князя Игоря, а в устном рассказе речь идет о каком-то князе Всеволоде.²⁴

Параллельное сравнение названных трех рассказов показывает принципиально разный подход к истолкованию устного источника Ермолаем и составителем Степенной книги. Ермолай точно воспроизводит прямую речь, заимствованную из псковского источника, а в Степенной книге вместо живого диалога и наглядного примера «о едином вкусе воды» Ольга, «уразумевше глумления коварство», произносит длинное наставление, которое автор завершает своим разъяснением: «И ина многа премудрено о целомудрии глаголя».²⁵ В результате оба рассказа выглядят как не имеющие ничего общего, хотя они и написаны примерно в одно время и довольно близки друг другу своим литературным языком. Так, в них можно отметить почти одни и те же выражения: в Повести о Петре и Февронии — «Они же пловуше по реце в судех. . .», «возрев на святую с помыслом», «Она же, разумев злый помысл его»; в Степенной книге — «И пловущим им и возре на гребца оного», «Она уразумевше глумления коварство». Следует обратить внимание на самое главное: Ермолай сохраняет тему народной новеллы, переданной и в устном псковском рассказе в виде диалога, а в Степенной книге эта тема отсутствует: она заменена простым

²¹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, вып. 1. С. 6—31.

²² С е р е б р я н с к и й Н. Древнерусские княжеские жития: (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 40.

²³ ПСРЛ. Т. 21, вып. 1. С. 7.

²⁴ Кроме того, в отличие от Степенной книги, в записи устного рассказа, сделанного П. И. Якушкиным, сообщается, что крестьянка Ольга была перевозчицей в Лыбуге. Название селения передано здесь ошибочно. В Степенной книге говорится о происхождении Ольги из «Псковской страны», «от веси, именуемая Выбутская» (ПСРЛ. Т. 21, вып. 1. С. 6). Селение Выбут на реке Великой, где был брод, неоднократно упоминается во всех псковских летописях. Наиболее интересными для нашей темы являются топографические сведения ПИЛ в статье 1393 г., которых нет в других летописях: «И тогда убиша копорскаго Иоана под Ольгиной горою, а инех многих избиха на Выбуге. . .» (ПИЛ. М., 1955. Вып. 2. С. 30). Издатель и исследователь псковских летописей А. Н. Насонов отметил своеобразную черту ПИЛ: составитель этой летописи среди прочих материалов обращался к устным рассказам, особенно это касается XV в. (ПИЛ. М., 1941. Вып. 1. С. XLIV—XLVI). Упоминание одновременно названия Ольгиной горы и Выбуга, а также наличие древней летописной записи в ПВЛ (ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 1. Стб. 29), ПИЛ (М.; Л., 1950. С. 107) и ПИЛ о том, что князь Игорь привел себе жену «от Пскова именем Ольгу» (ПИЛ. Вып. 1. С. 8), являются косвенным подтверждением бытования на псковской земле местной устной легенды о княгине Ольге ранее XVI в.

²⁵ ПСРЛ. Т. 21, вып. 1. С. 8.

правоучением, сделанным умной и прозорливой героиней — будущей княгиней.

Таким образом, пример с новеллой на тему «все женщины одинаковы» позволяет думать, что художественные принципы, использованные Ермолаем-Еразмом при создании произведений на муромскую тему, были усвоены им еще во время пребывания на псковской земле; на формирование его взглядов и литературных вкусов оказало влияние не только широкое распространение письменности на псковщине, но и знакомство с устным народным творчеством. Но, к сожалению, до нас не дошло каких-либо конкретных свидетельств о той среде, в которой происходило формирование писательского таланта Ермолая-Еразма.

В заключение еще раз хочется подчеркнуть, что своеобразие писательского мастерства Ермолая-Еразма при создании Повести о Петре и Февронии выразилось в том, что он не отступил от основного художественного принципа своих устных источников, осознав важность сохранения диалогов как основного фактора новеллистического построения. И этот принцип был четко выдержан на протяжении всего повествования. В силу указанных обстоятельств в середине XVI в. писателем, чьи литературные вкусы определились во время его пребывания на Псковской земле, было создано одно из лучших произведений древнерусской повествовательной литературы.